

1 июля 1955

ТЕАТР

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ТРИ недели встреч с алмаатинским театром — срок небольшой, и эти заметки, конечно же, не всесторонний анализ творчества наших гостей, а, скорее, некоторые впечатления и раздумья зрителя, которому многое понравилось, но кое с чем хочется и поспорить.

Пожалуй, самое большое впечатление наше — игра Ю. Померанцева. Встречей с умными и очень близкими людьми стало знакомство с его героями — Шутом в «Короле Лире» Шекспира и Сганарелем в «Лекаре поневоле» Мольера. Ю. Померанцев — современный актер, и классика для него не помеха, а подспорье. Между его двумя ролями можно проследить определенное сходство: Сганарель — тоже немного шут, а Шут — он хотя много глубже и трагичнее, но в своей народной основе напоминает мольеровского героя. Это органично вытекает из самого характера «высокой комедии» Мольера, о которой еще Пушкин заметил, что она «не основана единственно на смехе, но она на развитии характеров, — и что нередко близко подходит к трагедии».

Однако, несмотря на точки соприкосновения двух характеров, талант артиста воспринимается чрезвычайно многогранно и ярко. Естественность и простота исполнения, разнообразие речевых оттенков, предельная выразительность жестов — все вызывает восхищение в палатре артистических приемов Ю. Померанцева. Но, главное, — глубокая мысль, которая сопутствует его героям.

Шут... Что может быть трагичнее его судьбы! Но он познал несправедливость мира, и ему близки большие человеческие чувства. Судьба Шута становится философским обобщением, идейным стержнем замечательного спектакля режиссера С. Казимировского.

Гибель Шута — это, пожалуй, настоящая художническое откровение. Надо видеть эту собранную фигуру, эти повисшие плетью руки, эти медленные-медленные шаги вперед и вверх и это падение, — там, чуть ли не в конце пути, — чтобы почувствовать, как велико мастерство большого артиста.

И рядом вспоминается другая картина: Сганарель берет взятку. Рука взлетает... Она кажется необыкновен-

но длинной, жадной и в то же время смешиной. Она замирает за спиной с протянутой и удивленной ладонью. Все одухотворено до предела — и в этом весь Сганарель — львица и лодырь, добряк и умица.

Из «старой гвардии» театра полюбился омицам и Е. Диордиев. Его Лир вызывает богатейшую гамму чувств. Динамика этого образа оцутима почти физически. Умение показать героя в развитии — одна из самых сильных сторон таланта Е. Диордиева. Так естественно и убедительно отказывается от роли стороннего наблюдателя жизни его Забрдин в «Ленинградском проспекте» И. Штока (постановка С. Казимировского), так «прозревают» его Лир и Ангила Иванович Зыков, и характер этого «прозревания» отличен друг от друга и убедителен своей художественной правдой.

Из классического репертуара в театре имени М. Ю. Лермонтова хочется еще отметить «Рабю своего безлюбленного» Лопе де Вега (постановка А. Утеганова) и, прежде всего, исполнительницу главной роли А. Скрипко.

Темпераментно и ярко она играет гордую Элену, страстно полюбившую юного Дона Хуана. Прекрасные внешние данные, умение танцевать, столь необходимое в комедиях великого испанского драматурга, искусство драматической актрисы воедино слиты в молодой выпускнице Харьковского театрального института. Ее Элена — человек больших страстей, предприимчивая, умная и нежная натура. Непринужденная игра артистки в немалой степени способствует успеху этого спектакля.

А вот советским пьесам не очень «повезло» у алмаатинцев: постановки «Ленинградского проспекта» и «Бригантины» уступают режиссерским и артистическим работам в классическом репертуаре.

Но и здесь немало творческих удач, одной из которых стали роль Нади Очан в «Бригантине» В. Коростылева.

Романтика только тогда возвышенна, когда она глубоко правдива. Такой правдой овеяли и характер Нади — Скрипки. Мечтательная, мистая, убедительная в своем снеге и в своей большой любви, Нади — Скрипка несомненно достигла способности артистки. И здесь нельзя не вспомнить разнообразие ее репертуара. Кроме этих ролей, понравилась нам и Корделия — Скрипка в «Короле Лире», она играет и Машу в «Ленинградском проспекте», и что ни спектакль, то новая грань таланта раскрывается перед зрителем.

Но вот в той же «Бригантине», вещи трудной, не очень сценичной, принадлежащей к так называемым «разговорным» пьесам, но интересной при чтении, богатой и своеобразной по языку, в той же «Бригантине» чувства неудовлетворения вызывают образ Лаврова (Ю. Шарылов) и Риты (В. Тикке). И если Лаврову едва-едва недостает простоты и убедительности, не чувствуется, что это он — Землянин, то речь Риты в устах Тикке кажется чуждой ей. Она излишне «заземлена», и в романтической «Бригантине» подобное решение характера звучит диссонансом. Зато с большим искусством в этом же спектакле ведет роль папаша Очана П. Дубовцев. Сочный юмор и филигранная отделка реплик делают его работу одной из больших удач «Бригантины».

КОНЕЧНО, в статье даже белло невозможно рассказать о многом и о многих. А хотелось бы поговорить и об успехе С. Маленкова в роли Тодараса Парласа в пьесе Д. Псафоса «Требуется ящик» (режиссер Л. Лукацкий), и о прекрасном оформлении «Короля Лира» Т. Афанасьевой и И. Бальхозимым, и, вместе с тем, о не очень удачных мрачных тонах, господствующих в оформлении «Бригантины» Б. Астаховым и о многом другом, что не изменить, разумеется, чувства удовлетворения, которое вызвало у нас знакомство с мастерами ведущей русской сцены Казахстана.

М. МУДРИК